

Малашевская М. Н.

(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; m.malashetskaya@spbu.ru)

СИБА РЁТАРО И КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В МОНГОЛИИ

Аннотация: Настоящая статья содержит анализ концепции истории кочевой цивилизации в монгольских степях, представленной в эссе известного японского прозаика Сибя Рётаро. Его подход оказал значительное влияние на восприятие истории Азии и Европы у японских читателей. В статье идентифицируются, излагаются и анализируются основные идеи Сибя Рётаро об истории кочевнической цивилизации в Монголии и Великой степи. Основными источниками для нас стали такие его произведения, как «Степные записки» («Согэн-но ки», 1992), а также «Монгольские путевые записки» («Монгору кико:», 1973). Статья демонстрирует связи между цивилизационным подходом А. Дж. Тойнби и концепцией Сибя Рётаро в отношении кочевнических цивилизаций и их развития. Тексты Сибя Рётаро дают новое понимание природы Азии в рамках японской общественной и исторической мысли послевоенного периода.

Ключевые слова: кочевая цивилизация, Монголия, Сибя Рётаро, *Степные записки*.

Malashevskaya Maria

(St. Petersburg State University, Russia; m.malashetskaya@spbu.ru)

SHIBA RYOTARO AND HIS CONCEPT OF NOMADIC CIVILIZATION IN MONGOLIA

Abstract: The paper deals with analysis of concept of history of nomadic civilization in the steppes of Mongolia, appeared in the essays by prominent Japanese novelist Shiba Ryotaro. This approach made great impact towards the popular view of Asian and Eurasian history among Japanese readers. The author aims to identify, analyze and present main ideas of Shiba's concept of history of nomadic civilization in Mongolia and Great Steppe. Sources for analysis of these ideas are two essays and travel notes by novelist, *Mongolian Travel Notes* (1974) and *Steppe Notes* (1992). The article shows ties between civilizational approach of A. Toynbee and concept by Shiba Ryotaro in relation to nomadic civilizations and demonstrates essential features of its development. Texts by Shiba Ryotaro present a new understanding of nature of Asia within the Japanese social and historical thought in the post-war period.

Keywords: nomadic civilization, Mongolia, Shiba Ryotaro, *Steppe Notes*.

Открытие Японии в XIX столетии, модернизация и вестернизация в эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.), совместившая адаптацию западных технологий и культурных практик с возрождением национальных традиций на фоне разрыва отношений с многовековым культурным донором — Китаем, привели к переосмыслению системы культурных координат и ориентиров в среде японской интеллектуальной элиты [1, с.67; 2, с.62–63]. Культурные страны на Азиатском материке в глазах японских мыслителей превратились из источника знания в отсталые в культурном отношении общества. Такой взгляд привел к захватнической политике в Азии, когда Япония ставилась на вершину властной пирамиды в Азии в рамках паназии-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

атских концепций первой половины XX в. [3, с. 167–168]. Поражение во Второй мировой войне и резкое осуждение японской милитаристской политики предыдущих десятилетий со стороны народов Азии вызвали необходимость переосмысления Японией своего нового положения на азиатском материке как представителя западного сообщества стран «свободного мира». Это определило интеллектуальный фон Японии послевоенного периода (конец 1940-х — начало 1990-х гг.). В эти годы Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия превратились в основное направление японской экономической экспансии, что требовало установления дружественных отношений и признания культурного разнообразия азиатских народов со стороны японской политической, экономической и интеллектуальной элиты. В условиях «холодной войны» Япония стремилась как укрепить экономические связи с азиатскими странами, так и переосмыслить их историко-культурный потенциал. Все большее значение приобретал международный культурный обмен на гражданском уровне, нацеленный на расширение дружественных связей с азиатскими партнерами [4, с. 138–139]. Осмысление азиатских и евразийских культур через литературный диалог способствовало формированию нового понимания их особенностей в японском обществе, благоприятствовавшего расширению глубокого межкультурного диалога со странами Азии.

Одной из ярких фигур литературного мира страны в послевоенную эпоху стал прозаик Сиба Рётаро, внесший весомый вклад в осмысление культуры народов Азии в Японии. Данное исследование посвящено изложенной в текстах этого писателя историко-культурной концепции развития кочевой цивилизации Азии, центром которой была Монголия. Сиба воспринял историю азиатских народов через призму цивилизационной теории. Цивилизационная теория Арнольда Джозефа Тойнби получила в Японии широкую популярность в 1960–1970-е гг., когда его основные труды были переведены на японский язык [5, с. 22–23]. Японская академическая элита применила инструменты теории для анализа культурно-исторического процесса с упором на концепцию равенства цивилизаций. Заявленная в настоящей статье тема появляется в концепции А. Дж. Тойнби: он рассматривает кочевые общества, которые подверглись ряду природных вызовов и приспособились к суровым условиям окружающей среды [6]. В статье ставится задача выявить, изложить и разобрать центральные идеи концепции исторического развития кочевой цивилизации в Монголии, отраженные в текстах Сиба Рётаро. Основным источником анализа являются эссе — «Степные записки» (草原の記, «Со:гэн но ки», 1992) [7], а также «Монгольские путевые записки» (モンゴル紀行, «Монгору кико:», 1974) [8]. Эти тексты пользуются большой популярностью в Японии и формируют стереотипные представления об истории, этносах и культуре Азии.

Писатель Сиба Рётаро (司馬遼太郎, 1923–1996) — один из наиболее известных и читаемых в послевоенной Японии авторов исторических романов, эссе, публицистических статей, бесед. В начале 1940-х гг. будущий писатель учился в Осацком институте иностранных языков, где изучал монгольский язык, русскую литературу и сочинения китайского историографа Сыма Цяня. Сиба начал свою творческую карьеру после окончания Второй мировой войны в качестве

журналиста: в 1948 г. он устроился в киотское отделение праволиберальной газеты «Санкэй» [9, с. 17]. В 1950-е гг. он начал совмещать журналистику с написанием повестей и новелл, посвященных современным темам и историческим сюжетам, обращенным к прошлому Японии, «увиденному со стороны», из Китая [9, с. 25]. Первые сочинения и эссе писателя вышли под его настоящим именем — Фукуда Тэйити. В середине 1950-х гг. он начинает пользоваться псевдонимом Сиба Рётаро, иероглифическая запись которого вызывает аналогии с именем китайского историка Сыма Цяня (司馬遼太郎-司馬遷; имя понимают, как «Японец, который не может достичь Сыма»), а иероглиф 遼 является названием киданьского государства в Китае — династии Ляо). Вада Хироси отмечает, что прозаик выбрал такое имя, поскольку оно простое и неприметное [10, с. 65–66]. Осмысление исторического опыта Японии в эпохи Бакумацу (1853–1868 гг.) и Мэйдзи (1868–1912 гг.), исторический опыт модернизации Японии (*киндайка*), объединение достижений западной и восточной цивилизаций (*буммэй*) и роль отдельных исторических личностей в этих процессах лежат в основе исторической концепции писателя, развернутой в его произведениях через описание реальных мэйдзийских деятелей, ставших героями романов «Путь Рёма» («Рё:ма га юку», 龍馬がゆく), «Пылающий меч» («Моэё кэн», 燃えよ剣), «Тучи над холмами» («Сака но уэ но кумо», 坂の上の雲) и др. Американский японовед Дональд Кин отмечал, что, несмотря на ошеломляющую популярность этих исторических романов в Японии, переводы на английский язык остались непонятыми и не принятыми западным читателем, поскольку Сиба продвигал идеалы, близкие японской аудитории [11, с. 97–98]. Эти произведения показывают японцам историю родной страны, воспетую не в ультрапатриотических тонах, а через призму реалистических и культурно обусловленных представлений о герое-интеллектуале, придерживающемся японского взгляда на вещи. В японском литературоведении и интеллектуальной истории сформировалось отдельное направление исследований, посвященных «взгляду на историю» (*рэкиси кан*) Сиба Рётаро. Историк Накацука Акира подчеркивает, что стремительная популярность приходит к романам писателя в 1960-е гг., в период высоких темпов экономического роста; кроме того, в 1968 г. отмечалось столетие Реставрации Мэйдзи, а эпоха, последовавшая за реставрацией императорской власти в Японии, выступала историческим фоном событий романа «Тучи над холмами» и других известных произведений писателя [12, с. 16–17]. Романы Сиба Рётаро продолжают пользоваться широкой популярностью среди японских читателей, переиздаются и экранизируются. Пришедшая слава дала основания поставить Сиба Рётаро в один ряд с наиболее значимыми писателями Японии, присвоив ему статус «национального писателя» (*кокумин сакка*) [18]. Писательская активность Сиба пришлась на годы восстановления японской экономики после войны, известность пришла к нему в период расцвета японской экономики, когда в Японии происходила демократизация и американизация и страна прочно заняла второе место среди экономик капиталистических стран в условиях продолжавшейся «холодной войны». Романы Сиба Рётаро давали широкую перспективу событий истории Японии, связанных с эпохой

модернизации, с процессом создания японского государства и японской нации [9, с. 7; 10, с. 34]. Романы Сиба Рётаро помогали японскому обществу преодолеть негативные переживания, связанные с милитаризмом и поражением в войне, учили гуманистическому взгляду на развитие общества и соответствовали национальной конституционной концепции «миролюбивой нации» (*хэйвакокка*).

В 1970-е гг. Сиба Рётаро обращается к цивилизационной проблематике, рассуждает о японской культуре и истории и традициях народов Азии. В 1971 г. состоялась беседа между Сиба Рётаро и Дональдом Кином, опубликованная в томе под названием «Форма японской цивилизации» [13], где собеседники обсуждают специфику японской духовной культуры и ее характерную черту — умение адаптировать внешнее интеллектуальное влияние под нужды национальной духовной парадигмы.

В 1971 г. по инициативе газеты «Асахи» писатель начинает серию путешествий, описанных в многотомной серии «По большим дорогам» («Кайдо: о юку», 街道をゆく). Его путевые заметки вышли сначала на страницах газеты, а затем в 43 отдельных томах. Позднее компанией NHK были сняты телепередачи на основе путешествий писателя. В 1971–1996 гг. Сиба Рётаро совершил 30 поездок по Японии. В своих записках он делал акцент на красоте и уникальности историко-культурных явлений японской глубинки, на основе его текстов возникли эмоциональные образы исторических мест Японии [14, с. 70–72]. Особенностью текстов Сиба Рётаро в рамках данного проекта представляется демонстрация богатства исторического наследия интересных для путешественников мест как внутри Японии, так и за ее пределами [15, с. 111–112]. В рамках проекта писатель совершил 13 путешествий по Азии, Европе и Америке, о чем подробно написал в путевых записках и эссе, посвященных истории и культуре народов посещенных стран. Японские исследователи сходятся во мнении, что в основе его эмоционального образа народов Азии лежит цивилизационный подход.

В 1973 г. писатель впервые поехал в Монголию, которую изучал в студенческие годы и стремился посетить на протяжении многих лет. Еще в конце 1950-х гг. были опубликованы два сочинения Сиба Рётаро, посвященные Монголии: «Персидский волшебник» (ペルシヤの幻術師, «Пэруся-но гэндзюкуси», 1958) и «Сюнну из Гоби» (戈壁の匈奴, «Кахэки-но кё:до» 1958) — но это был взгляд, основанный на исследованиях Монголии, а не на личном опыте. Известный писатель Иноуэ Ясуси, написавший в это время несколько произведений о китайском Западном крае и Чингисхане, отметил, что на протяжении длительного времени не было возможности посетить эти регионы [16, с. 3], условия для таких поездок были созданы только в середине 1960-х гг.¹ Для поездки Сиба Рётаро в Монго-

¹ Сиба и Иноуэ в 1977 г. совершили совместную поездку в Синьцзян-Уйгурский автономный округ и опубликовали совместный сборник диалогов «По Западному краю» («Сэйики-о юку»). В 1980-е гг. под их эгидой компания NHK запустила проект, в рамках которого японские журналисты совершили путешествие по китайскому и советскому Туркестану, а Сиба и Иноуэ написали к вышедшим по итогам путешествий сборникам вступительные статьи.

лию сложилась благоприятная ситуация в 1973-м г., поскольку, на фоне политики разрядки между СССР и США и в связи с улучшением китайско-американских и затем японо-китайских связей в начале 1970-х гг., в 1972 г. Япония и Монголия восстановили дипломатические отношения. Именно тогда редакция газеты «Асахи» предложила писателю совершить путешествие в Монгольскую республику, состоявшееся в августе 1973 г. [8, с. 12]. На тот момент прямое авиасообщение между Японией и Монголией еще не было налажено, поэтому писателю пришлось лететь из Ниигата в Улан-Батор через Хабаровск и Иркутск. В стране назначения Сиба Рётаро посетил столицу и пустыню Гоби, о чем подробно рассказал в «Монгольских путевых записках», напечатанных в 1973–1974 гг. на страницах еженедельника «Асахи», а затем изданных отдельным томом в октябре 1974 г.

Второй визит в Монголию состоялся в июле 1990 г. В 1992 г. были опубликованы «Степные записки», собравшие в себе размышления писателя о Монголии и о кочевой цивилизации после двух визитов в эту страну и нескольких путешествий в западные регионы Китая. Этот текст демонстрирует основной подход Сиба Рётаро. «Монгольские путевые записки» составлены вполне традиционно для японского жанра путевых записок и дневников-эссе *дзуйхицу* — фрагменты текста связаны размышлениями автора о культуре, истории и народах Сибири и Монголии в порядке посещения тех или иных мест. «Степные записки» устроены иначе: они разделены тематически на описания наиболее существенных, с точки зрения Сиба Рётаро, этнокультурных и географических феноменов, таких как сюнну, Каракорум, Сибирский котел, пустыня Гоби, Облака. В обоих случаях строгая хронологическая последовательность не соблюдается, делаются значительные отступления и пояснения.

В основу историко-цивилизационной концепции Сиба Рётаро помещено развитие кочевой цивилизации в Монголии, Сибири и Западном крае Китая (яп. *Сайики*, кит. *Сиюй*), а также в Центральной Азии. Основная идея — противостояние кочевой цивилизации кочевников Великой степи и оседлых земледельческих цивилизаций: Китая начиная с династии Чжоу (1045–221 гг. до н. э.); Российской империи, рождение которой, по мнению Сиба Рётаро, относится к XVII в.; а впоследствии — СССР. Возникновение кочевой цивилизации (*遊牧文明, ю:боку буммэй*) в качестве культурно-исторического феномена относится к периоду восхождения скифов (VII–III вв. до н. э.): «Они жили в причерноморских степях, это были племена верховых наездников, создавших превосходную цивилизацию кочевников. Это были европеиды» [7, с. 47]. Историко-цивилизационная концепция представлена на нескольких уровнях: столкновения кочевой и оседлой земледельческой цивилизаций, непрерывного движения народов степи, их этнокультурного своеобразия с их традиционными моральными императивами.

Прямые столкновения кочевой и оседлой земледельческой цивилизаций являются идейным фундаментом концепции. Непрерывное противостояние кочевников севера, которых в Китае с древности именовали варварами, и китайцев-землепашцев, выстроивших Великую Китайскую стену для обороны от на-

падений степняков, сформировали устойчивую модель взаимодействия между Китаем и степью.

Земли внутри границ Великой стены — это Китай, земледельческая цивилизация, там развивались письменность и литература. В империи, находившейся внутри Великой стены, стали много писать о севере, находившемся за ее пределами. Нет никаких сомнений, что писали с позиции своей земледельческой культуры, и северяне были до крайности омерзительными, их изображали исключительно захватчиками. В общем, писали, что в голову взбредет.

Я же хочу в своих записках задать вопрос, прошу прощения у потомков тех древних китайцев, но разве это не землепашцы вновь и вновь вторгались в земли кочевников? Из-за постоянного роста населения китайцам требовались целинные земли, они обрушивались на степи сюнну и вонзали в них свои мотыги.

Кочевники ненавидели, когда вскапывают землю степей. Степь, подобно живому существу, покрыта кожей. Кожа эта тонкая, а к тому же твердая, как дорожное покрытие, поэтому почва, находящаяся под ее поверхностью, защищена от ветров. Кроме того, поверхность земли укреплена благодаря сетке переплетенных корней трав. <...> Небеса радуются, когда землепашец возделывает землю. Боги кочевников смотрят на это как на страшное зло.

«Не смей вскапывать!» — так, должно быть, говорили сюнну, а потом стали вторить им монголы. Но в исторических сочинениях земледельческих империй их слова не записывались [7, с. 18].

История, увиденная глазами кочевой цивилизации, которая противостоит оседлой цивилизации землепашцев из-за своих хозяйственно-экономических интересов, как отмечает Сиба, не находит отражения в письменных источниках земледельческих обществ. Сиба объясняет специфику такого экономического уклада оптимальной выбранной стратегией поведения в условиях степи, когда основным источником питания являлось животноводство, скот требовал постоянных новых пастбищ со свежей травой, в связи с чем скотоводы совершали сезонные перекочевки. Такой взгляд напрямую связан с подходом А. Дж. Тойнби к анализу кочевых цивилизаций: он утверждал, что «номадический ответ [базирувавшийся на domestикации диких животных] на повторяющийся и усиливающийся вызов действительно был рывком» в суровых условиях степи; «номадизм был более выгоден экономически, чем земледелие», поскольку был нацелен на длительный процесс переработки сырья и его реализацию, что не свойственно земледелию, которое представляет собой менее высокое искусство, поскольку domestикация растений не требует победы разума над волей иного существа; кроме того, выращивание злаков технологически проще переработки животных материалов, которыми оперирует кочевник [6, с. 185]. Данный круг идей коррелирует с евразийской концепцией современника и А. Дж. Тойнби, и Сиба Рётаро — Л. Н. Гумилева, доказывавшего, что кочевой образ жизни являлся не отсталым, а оптимальным для жизнедеятельности в условиях засушливой и переменчивой степи («где сыт скот, процветают и люди» [17, с. 71], «никакого застоя в Великой степи не было» [17, с. 72]). Как и Сиба Рётаро, Л. Н. Гумилев подчеркивает, что

письменная история создавалась земледельческими цивилизациями, непрерывно борющимися со степняками, поэтому кочевая экономическая модель и моральная парадигма подвергались порицанию представителями оседлых цивилизаций и их потомками [17, с. 116–118]. Это говорит о формировании международной интеллектуальной парадигмы, возникшей в Японии и в СССР независимо друг от друга, но на основе одной и той же теории — теории цивилизаций А. Дж. Тойнби.

Сибя Рётаро писал о кочевой экономике: «Кочевая экономика в современном мире встречается, очевидно, крайне редко, и если они будут с умом продавать мясо, изделия из кожи, меха, то этого будет вполне достаточно, чтобы прокормить два миллиона человек» [7, с. 65]. Хозяйство зиждется на скотоводстве, а, соответственно, постоянных сезонных миграциях в поисках пригодных пастбищ: «Кочевники всегда в движении. Но это не их эгоистичный каприз — племя выбирало отдельные места для стойбища на зиму и на лето. Если чужое племя вторгалось в степь, принадлежащую кому-то, это грозило кровопролитием. Не стоит и говорить, что если в осенний период какое-то из кочевых племен приходило в те степные угодья, которые были ими выбраны для зимовки, а там уже все было распахано китайцами-ханьцами, то военного столкновения было не избежать» [7, с. 19]. Соответственно, столкновения между древними китайцами и кочевниками с давних времен были обусловлены в первую очередь экономическими причинами.

Движение кочевых народов осуществляется по степным пространствам. Оно обеспечивало взаимодействие между северо-востоком Азии и Монгольской степью: «Путь от озера Байкал до плоскогорий Монголии функционировал еще во времена сюнну. И сегодня этот путь из Сибири в Монголию хорошо виден из окна самолета» [8, с. 109–110]. Сибя пишет, что, двигаясь на запад через предгорья Тянь-Шаня и степи Джунгарии, кочевники сюнну оказались в Центральной Азии, где «подобно бусинкам на четках расположились большие и малые степи», пересекли просторы Прикаспия и достигли Восточной Европы [7, с. 23–25]. Сибя Рётаро показывает диалог между Востоком и Западом, когда степь не выступает пассивным пространством — ее жители становятся деятельными участниками процесса, а сама степь преобразуется в канал связи, коридор из Монголии через Центральную Азию и Россию в Европу [7, с. 26]. Как китайцы, так и европейцы считали сюнну или гуннов дикими варварами. Однако Сибя Рётаро, конструируя модель диалога между кочевой и оседлой цивилизациями, указывает на фактор заимствований из культуры кочевников, например введение ношения штанов для внедрения верховой езды, а также седел и военной формы, пришедших на фоне борьбы с кочевниками в Китай во IV в. до н. э. в годы правления У-ли-вана: «Сам У-ли-ван переоделся в варварские одежды кочевников. Впоследствии в китайской истории обмундирование для сражений прозвали жунскими одеждами <...> и солдат, и император стали спокойно носить такой костюм» [7, с. 20]. Эта культура распространилась впоследствии на всю Евразию, народы которой полностью восприняли заимствование из культуры кочевников-конников как неотъемлемый атрибут собственного быта.

В качестве исторического героя кочевого мира Сиба Рётаро выдвигает не великого завоевателя Чингисхана, а его наследника Угэдэя, «обладавшего широким взглядом на мир, подобно морю, он был мудр, точно горы» [7, с. 69–70]. Сиба Рётаро оценивает период формирования Монгольской империи при Угэдэе, охватившей всю Евразию, как расцвет кочевой цивилизации, изменивший мир в одночасье: «Сегодня происходит переосмысление роли монголов в истории человечества; это связано с мыслью о том, что великие монгольские завоевания подняли цивилизацию на новую ступень. Мир до их появления прятался за бесчисленными стенами и хозяйничал в рамках мелких локальных интересов. А под воздействием монгольских завоеваний в мир пришли большие перемены, торговые пути опоясали его со всех сторон, а с точки зрения культуры самые разные явления стали перетекать из одного региона в другой. Мир разом изменился» [7, с. 70]. Имперский тип правления потребовал от хана последовать традиции земледельческой цивилизации и построить столицу — Каракорум, что было неестественно для кочевников. В этом городе, где были устроены китайский и исламский кварталы, происходил межкультурный диалог между жителями новой империи, объединенной сложной сетью дорог и ямских почтовых станций [7, с. 77–78]. Хан Угэдэй, которому Сиба Рётаро открыто симпатизирует, диктовал своему миру моральные установки, резко осуждая стяжательство и ценя только память потомков. «Таких, как Угэдэй, среди монголов было немало. Его бескорыстие — это образец типичного монгола» [7, с. 79]. В качестве примера монгольского бескорыстия Сиба приводит случай с монгольским школьником, который, получив от писателя лакомство, честно поделил его с товарищами [8, с. 182–183]. Таким образом, Сиба Рётаро соединяет прошлое и настоящее через устойчивые моральные качества монголов-кочевников, не зависящие от политической обстановки.

Другим характерным мотивом эссе Сиба Рётаро является этнокультурное разнообразие степи, характеризующееся сменой кочевых этносов при сохранении их базовой формы хозяйствования — скотоводства и охоты. В картине кочевой цивилизации Сиба Рётаро мир номадов рассматривается с крайнего Востока, от Японии, на запад, начиная с племен жунов и сюнну, приходивших в столкновение с Китаем. Он показал ход развития кочевой цивилизации на Дальнем Востоке, связав ее первый расцвет с тунгусскими племенами: «В древние времена тунгусы сосуществовали здесь с бескрайними лесами и мелкими животными, они жили охотой. Отдельные группы этих охотников взбирались на монгольское плоскогорье, и одна из таких групп, начавшая вести кочевой образ жизни, стала предком современных монголов. Цивилизация, называемая кочевой, тут же вошла в соприкосновение с событиями на западе <...> они пересекли всю Центральную Азию и распространились по ее окрестностям. Империя сюнну возникла в монгольском плоскогорье в конце IV в. до н. э.» [7, с. 45]. Сиба связывает историю цивилизации древней Сибири и выход на историческую арену скифов, которые повлияли на формирование сюннского государства. Взаимодействие кочевников на территории Евразии, с точки зрения Сиба Рётаро, — фактор ге-

незиса цивилизаций, возникших на основе диалога и обмена между кочевниками и земледельцами. В рамках этой концепции развитые оседлые цивилизации в форме империй выступают в роли агрессора — такую роль играют династии Китая в разные исторические эпохи, а также Российская империя, покорявшая Сибирь. Результатом диалога казаков и монгольского населения Сибири стало выделение бурятов, ставших братским полукочевым народом на территории России [8, с. 68–69]. В данном контексте современные писателю СССР и КНР продолжают традицию ассимиляции малых народов степи, хотя имперский опыт Японии писатель обходит молчанием.

В своих текстах, посвященных Монголии, Сиба Рётаро освещает особый мир кочевой цивилизации, развивающийся по пригодным для ее экономики принципам. Фокус в вопросе агрессии переносится с кочевников степи на земледельческие цивилизации, которые выступают не только источником угрозы для кочевого образа жизни, но и реципиентами в процессе диалога с кочевниками. Устойчивость форм хозяйственно-экономической деятельности и моральных принципов представляется важнейшим духовным стержнем кочевой цивилизации. Идеи Сиба Рётаро коррелируют с глобальными тенденциями в осмыслении культурной истории мира, которое получило мощный импульс к развитию на фоне популярности цивилизационной теории А. Дж. Тойнби, установившей равенство цивилизаций независимо от их стадии и модели развития. Идеи японского писателя иллюстрируют адаптацию западного теоретического инструментария на почве японской интеллектуальной практики в процессе углубления диалога между Японией и Западом, оказавшимися в послевоенный период в одном лагере. Тем не менее тексты Сиба Рётаро демонстрируют также, что заимствованные подходы реализуются на основе собственных источников и важных для Японии тем, таких как постижение этнокультурного разнообразия в Азии и особой кочевой цивилизации.

Литература

1. Хауленд Д. Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии в XIX в. / пер. с англ. А. В. Матешук. М.; Челябинск: Мысль, 2020.
2. Япония: опыт модернизации / под ред. Э. Молодякова. М.: АИРО-XXI. 2011.
3. Pan-Asianism: A Documentary History. Vol. 2: 1920-Present / S. Saaler, Ch. W. A. Szpilman (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2011.
4. 日本 外交 第3巻: 外交思想 / 酒井 哲哉. 東京: 岩波書店, 2013. [Японская дипломатия. Т. 3: Дипломатическая мысль / под ред. Сакаи Тэцую. Токио: Иванами, 2013.] (На яп. яз.)
5. 北政巳. 『21世紀への対話』に臨んだトインビー博士の歩んだ道 // 創価教育研究. 2004, 第3号. P. 21–31. [Кита Масами. Путь Тойнби до диалогов «Избери жизнь» // Со: какё: икуэнкю:. 2004. № 3. С. 21–31.] (На яп. яз.)
6. Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. А. П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991.
7. 司馬遼太郎. 草原の記. 東京: 新潮社, 2018. [Сиба Рётаро. Степные записки. Токио: Синтёся, 2018.] (На яп. яз.)

8. 司馬遼太郎. 街道をゆく5—モンゴル紀行. 東京: 朝日新聞出版, 2017. [*Сибя Рётаро. По большим дорогам № 5 — Монгольские путевые записки.* Токио: Асахисюппанся, 2017.] (На яп. яз.)
9. 成田龍一. 戦後思想家としての司馬遼太郎. 東京: 筑摩書房, 2009. [*Нарита Рюити. Послевоенный мыслитель Сибя Рётаро.* Токио: Тикума сёбо, 2009.] (На яп. яз.)
10. 和田宏. 司馬遼太郎という人. 東京: 文藝春秋, 2004. [*Вада Хироси. Человек Сибя Рётаро.* Токио: Бунгэйсюндзю, 2004.] (На яп. яз.)
11. Keene D. *Five Modern Japanese Novelists.* Columbia University Press, 2003.
12. 中塚明. 司馬良太郎の歴史観. 東京: 高文研, 2009. [*Накацукэ Акира. Взгляд на историю Сибя Рётаро.* Токио: Ко:бункэн, 2009.] (На яп. яз.)
13. 日本文明のかたち. 司馬遼太郎対話選集5. 東京: 文藝春秋, 2006. [Форма японской цивилизации: пятый цикл бесед Сибя Рётаро. Токио: Бунгэйсюндзю, 2006.] (На яп. яз.)
14. 山崎隆之. 司馬遼太郎『街道をゆく』にみる地域イメージの対象と記述手法に関する研究//日本建築学会計画系論文集. 2004. 第583号. P.69–74. [*Ямадзаки Такаюки. Методика анализа объектов конструирования образов регионов в текстах Сибя Рётаро «По большим дорогам» // Нихонкэнтикугаккайкэйкакүкэйронбунсю.* 2004. № 583. С.69–74.] (На яп. яз.)
15. 森山明. 『街道をゆく』の旅の空間 «ゆたか» //日本国際観光学会論文集. 2013. 第20号. P.111–116. [*Морияма Акира. Пространство путешествий «По большим дорогам» — идея «изобилия» // Нихонкокусайканко: гаккайронфунсю.* 2013. № 20. С.111–116.] (На яп. яз.)
16. 井上靖. 西域物語. 東京: 朝日新聞社, 1969. [*Иноуэ Ясуси. Повесть о Западном крае.* Токио: Асахи симбунся, 1969.] (На яп. яз.)
17. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Мишель и Ко, 1993.
18. 今こそ！読みたい) 夏目漱石 教室で出合う「国民的作品」// 朝日新聞デジタル. 17.10.2020. [Хочу прочитать прямо сейчас! Нацүмэ Сосэки, «национальное художественное произведение», с которым знакомятся в школе // Газета Асахи симбун диджитал. 17 октября 2021.] URL: <https://www.asahi.com/articles/DA3S14658905.html> (дата обращения: 09.10.2021). (На яп. яз.)

References

1. Howland D. R. *Translating the West: Language and Political Reason in Nineteenth-Century Japan* / transl. in Russian by A. V. Matshuk. Moscow; Chelyabinsk, Mysl' Publ., 2020. (In Russian)
2. *Modernization: Lessons from Japan* / E. Molodyakova (ed). Moscow, AIRO-XXI Publ., 2011. (In Russian)
3. *Pan-Asianism: A Documentary History. Vol. 2: 1920-Present* / S. Saaler, Ch. W. A. Szpilman (eds). Lanham, Rowman & Littlefield, 2011.
4. *Diplomacy of Japan. Vol. 3: The Philosophy of Diplomacy* / Sakai Tetsuya (ed). Tokyo, Iwanamishoten Publ., 2013. (In Japanese)
5. Kita Masami. Arnold Toynbee's Life and Work Before the Dialogue of 'Choose Life. *Sōka kyōiku kenkyū*. 2004. No 3. P.21–31. (In Japanese)
6. Toynbee A. J. *A Study of History* / transl. into Russian by A. P. Ogurtsov. Moscow, Progress Publ., 1991. (In Russian)
7. Shiba Ryotaro. *Steppe notes*. Tokyo, Shinchōsha Publ., 2018. (In Japanese)
8. Shiba Ryotaro. *On the highways No. 5 — Mongolia trip notes*. Tokyo, Asahishimbun shuppan Publ., 2017. (In Japanese)

9. Narita Ryuichi. *Post-War thinker Shiba Ryotaro*. Tokyo, Chikumashobō Publ., 2009. (In Japanese)
10. Wada Hiroshi. *The person named Shiba Ryotaro*. Tokyo, Bungeishunjū Publ., 2004. (In Japanese)
11. Donald Keene. *Five Modern Japanese Novelists*. Columbia University Press, 2003.
12. Nakatsuka Akira. *The Shiba Ryotaro's view of history*. Tokyo, Kōbunken Publ., 2009. (In Japanese)
13. *The shape of Japanese Civilization: Shiba Ryotaro's dialogues collection No. 5*. Tokyo, Bungeishunjū Publ., 2006. (In Japanese)
14. Yamazaki Takayuki. A study of the object and the describing method of local image in 'Kaido wo yuku': a study on the method of interpreting and expressing local image. *Nippon kenchiku gakkai keikakukeiron bunshū*, 2004. No. 583. P.69–74. (In Japanese)
15. Moriyama Akira. The 'abundance' in the space of trips in 'Kaido wo yuku'. *Nippon kokusai kankō gakkairon bunshū*, 2013. No. 20. P.111–116. (In Japanese)
16. Inoue Yasushi. *Journey beyond Samarkand*. Tokyo, Asahishimbunsha Publ., 1969. (In Japanese)
17. Gumilyov L. *One thousand years around the Caspian*. Moscow, Mishel' i Ko Publ., 1993. (In Russian)
18. (I want to read! Right now!) Natsume Soseki — “national piece of art”, that everyone meets at school. *Newspaper Asahi Digital*. 17.10.2020. URL: <https://www.asahi.com/articles/DA3S14658905.html> (accessed: 09.10.2021). (In Japanese)